

Д. В. и Л. В. Ивановым

*17–18 декабря 1926.
Павия — Рим*

<...> Вчера неугомонный Рибольди устроил полит<ическую> дискуссию о фашизме после английского урока от 11 до 1 ч<аса> ночи и в заключение пристал ко мне: отчего я молчу? Я говорю, что иностранцу не приличествует вмешиваться в обсуждение вопросов национального строительства. Но он настаивал, и тогда я заявил, что правильным считаю поставление во главу угла вопросов реальной политики, экономических и социальных; что абстрактного либерализма и демократизма не одобряю, идеям франц<узской> революции не друг и не раз предостерегал здесь товарищей-студентов от отвлеченного республиканизма (все это было фашисту-священнику сладостно выслушать), — вопроса о национализме касаться не буду за его невыясненностью и просто не знаю, имеет ли он еще будущее в мире или нет, в виде наличности в мире сильных противоположных движений (интернационализма), представленных, с одной стороны, коммунизмом, с другой, Церковью (и это все было приемлемо!); но, чтобы не быть неправильно понятым в своем протесте против французского демокр<атического> лозунга (liberté — égalité — fraternité, droitsdel’homme и пр.), считаю долгом заявить, что свободу личности признаю высшею религиозно-моральною ценностью и не одобряю точку зрения крайних государственныхников (каковы фашисты), по которой личность только средство для достижения госуд<арственных> целей; не одобряю забвения, что государство должно быть христианским, а не языческим; Церковь поставляю выше государства, христианина выше гражданина, и одобряю государство лишь в той мере, в какой оно благословляется Церковью. Здесь произошел горячий спор с антиклерикалом в рясе, который воскликнул, что это есть подчинение государства Церкви, что так пишут в «OsservatoreRomano»; я же заметил, что русские слишком хорошо знают, что значит обратное — порабощение Церкви Государством... И так, в горячем споре, при нейтралитете студентов (кроме одного розминианца, мне сочувствующего), мы разошлись спать.<...>